

Б. С. СТОЯНОВ

Л. Н. Толстой и анархизм

Толстой и анархизм — как много уже об этом говорилось, и так мало все-таки сказано. И это вполне естественно и понятно, ибо анархия не только социальная система, как это думали и думают до сих пор, но целое мировоззрение, в котором и миропонимание, и мироотношение проникнуты одним и тем же началом — *человек*.

Конечно, анархия есть в то же время в социальная система, но система своеобразная и по существу, и по форме.

Анархическая социальная система есть надстройка над индивидуалистическим мировоззрением, надстройка, глубоко и широко запускающая корни в свое основание. Этим социальная система анархизма отличается по существу от других социальных систем (социализма, либерализма и др.), лишь внешне, поверхностно, спаянных с соответствующими мировоззрениями, колеблемых малейшим свежим ветерком действительности и по-нуждающих человека или к непрерывной перестройке и починке надломленной системы, или к штопанию и латанию лоскутного одеяла — мировоззрения, прикрывающего собою зябкую, при-мороженную душу бедного человека.

Как социальная система, анархизм знают лишь основные принципы, руководящие начала, ибо анархическое мировоззрение не приемлет никакой программы действия, определяющей формы действия и пути человека, — всё это предоставляется предопределить каждому человеку в отдельности, согласно его миропониманию. Этим анархическая социальная система отличается по форме от других социальных систем, имеющих всегда

свою программу действия и тем самым втискивающих человека в определенные рамки, порою противоречивые и уродующие все мировоззрение в целом.

Эта внутренняя связь между мировоззрением в целом в соответствующей социальной системой, между миропониманием и мироотношением, между идеологией и жизнью предопределяет в анархизме и соотношение между «я» и проявлением этого «я», между мыслью и действием, между принципом и тактикой. В то время, как для либерала и социалиста выражения: «принципиально это приемлемо, но тактически нет», «теоретически это неправильно, но практически иначе не может быть» и обратно — стали необходимой насущностью, пластырем, успокаивающим острую боль и *как бы* затягивающим глубокие раны в их мировоззрении, образовавшиеся от искусственного разрыва мироотношения от миропонимания, для анархизма это глубокое и абсолютно неприемлемое противоречие.

Размеры журнальной статьи — с одной стороны, и сама тема — с другой, не позволяют мне остановиться подробнее на этом глубоком и безусловно интересном вопросе, и я выскажу поэтому только одно голое положение: душевная неудовлетворительность, разочарование, пессимизм, преждевременная духовная старость и дряблость и даже сама духовная смерть многих чутких и глубоких людей во многом обязаны именно этому двуличию мировоззрения. И счастлив удел тех, кто сознательно или бессознательно сумеет понять и воспринять неприемлемость для человека этого дуализма. Счастлив в этом отношении был и Л. Н. Толстой, сумевший вовремя узреть единство человека, единство «я» и действия этого «я».

* * *

Уже в зрелом возрасте писатель-художник — Л. Н. Толстой почувствовал, что в мире сем не всё благополучно, что действия человека не совпадают с его внутренним «я», с смыслом и целью его существования, и Толстой пересматривает свое отношение к этому миру, миру крови и лжи: он переоценивает ценности — *человека и вещь*. <...>

Свершилось!.. Человек нашел свое место в мировоззрении Л. Н. Толстого, место, занятое раньше вещью, вещью, иногда, быть может, субъективно и объективно бесконечно ценною, но все-таки вещью.

И чем дальше, тем прочнее и основательнее занимает свое место человек в мировоззрении Л. Н. Толстого. Он для него не только основа, но и конечная точка жизни сей. Толстой узнает, «что все люди свободные, разумные существа, в души которых вложен один высший, очень простой, ясный и достойный всем закон»: «Любить ближнего, как самого себя, и потому не делать другому того, чего не желаешь себе»*. И в «знании того, что такое человек, каково его отношение к окружающему миру, или, что одно и то же, в чем его назначение»**. — «Воскресенье» — Л. Н. Толстого. И когда он воскресший увидал эту жизнь таковой, какова она есть, с ее нищетой, голодом, холодом, болезнями, тюрьмами, крепостями, виселицами и палачами, со слезами матерей, жен и детей, и увидал себя самого, до известной степени, «участником этих страшных дел», он решает: «Нельзя так жить! Я, по крайней мере, не могу так жить, не могу и не буду»***. И жизнь его начинается по новому — в борьбе за человека с его врагами.

* * *

Но где же и кто самый жестокий и опасный враг человека?

Общество, — отвечает его анархическое мировоззрение. И он со всем пылом своей страстной прекрасной души бросается в отчаянную смертельную схватку с обществом за освобождение человека, человека не абстрактного, а конкретного, реального, живого человека, человека со всеми его недостатками и достоинствами, вмещающего в себе и святое и грешное. За этого живого человека, вечного раба общественности, он беспощадно бичует разнузданное, испорченное общество, вскрывает его смертельно ядовитую сущность, коверкающую и уродующую личность. Он не останавливается ни перед какими, даже самыми ужасными следствиями такой своей тактики, следствиями, быть может, и принципиально неприемлемыми для других.

Принципиальной неприемлемости он не знает, потому, что его борьба есть следствие его собственного мировоззрения, а не результат воспринятой какой-либо чужой программы действия. Он анархист, и как анархист, он уже не знает дуализма духа и действия.

---

* Из письма к студенту, 1909 г.

** «Действительное средство».

*** «Не могу молчать».

А крайности и тесно связанные с ними ошибки — как результат страстной борьбы, разве Л. Н. Толстой, этот борец, избежал их?

Нет! Но они ему и не страшны, они страшны мещанам духа, сторонникам «золотой середины», они страшны трусам, Толстой же рыцарь храбрости, ибо он с маленькой горсточкой таких же, как и он храбрецов (проснувшихся личностей), борется с бесконечно превосходящим по количественной и технико-качественной силе врагом — обществом. Он безумец в храбрости своей, и как безумный не знает он страха. Он знает, что ошибки — крайности страшной борьбы, слишком ничтожны в сравнении с тем злом, какое несет собой враг-общество; они уничтожатся, сотрут жизнь, общество же никогда не уничтожится, его тенденция возвеличиваться и упрочаться. Вот почему его нужно бить страстно, жестоко, решительно, и сразу на всех фронтах. Чем сильнее по объему и силе натиск на общество, тем реальнее и ощутительнее результаты этой борьбы. Высокий по качеству, но слабый по количеству (объекту) натиск ведет к тому, что на месте уничтоженного одного щупальца эксплуатации вырастают несколько новых, быть может, и менее определенных по форме, но зато более резких по существу, по внутреннему своему содержанию — эксплуатации и порабощению человека. Врага нужно бить сильно и резко и одновременно со всех сторон, дабы он не успевал оправляться, и Толстой так и поступает: нет ни одной сферы социальной жизни, на которую бы не обрушался он с бесконечным гневом борющейся личности. И в гневном своем ужасе и прекрасен... «Он весь, как божья гроза».

* * *

«Государство, право, нравственность, мораль, этика, эстетика, наука, воспитание, религия и прочие стороны — атрибуты общественной жизни — все они облизывают неизлечимые раны свои, полученные в борьбе с малым, но сильным врагом» — Л. Н. Толстой.

«Государство — учреждение временное и должно исчезнуть». «В наше время... оно держится только утвердившимся лжеучением», которое «состоит в признании себя соединенными с одними людьми одного народа, одного государства, и отделенным от остальных людей, других народов и других государств».

«Мне не нужно государство» и «я не хочу совершать все те дела, которые нужны для осуществления государства». Ибо дела эти по своему существу разбойничьи дела, с той только разницей, что «разбойники обирают преимущественно богатых, правительство же обирает преимущественно бедных, богатым же, помогающим им в их преступлениях, покровительствует. Разбойники, делая свое дело, рискуют своею жизнью, — правительство почти ничем не рискует. Разбойники никого насильно не забирают в свою шайку, — правительства набирают своих солдат большею частью насильно... Разбойники не развращают умышленно людей, — правительства же для достижения своих целей развращают целые поколения детей и взрослых ложными религиозными патриотическими учениями». И это одинаково для всех правительств, ибо нравственное правительство немыслимо. «Нравственный добродетельный государственный человек есть такое же противоречие, как целомудренная проститутка» *...

Таковы образцы тех семян, коими засеивал Л. Н. Толстой поле государственной общественности.

А вот и семена для христианской религии.

«Перед церквями стоит дилемма: нагорная проповедь или Никейский Символ, одно исключает другое¹, и потому церквям не употреблять всех возможных усилий для затемнения смысла нагорной проповеди и для привлечения к себе людей. Только благодаря напряженной деятельности церквей в этом направлении держалось до сих пор влияние церквей. Останови церкви хоть на самый короткий срок, это воздействие на массы гипнотизацией и обманом детей, и люди поймут ученье Христа. А понимание учения уничтожает церкви и значение их. И потому церкви ни на мгновение не прекращают усиленной деятельности и гипнотизации взрослых и обмана детей» **...

Еще несколько слов о науке.

«Наука в наше время считается и называется, как ни странно это сказать, знанием всего, *всего на свете, кроме того одного, что нужно знать каждому человеку для того, чтобы жить хорошей жизнью.* (Курсив Толстого). «Всё то, что у нас считается наукой, не только не есть нечто, несомненно, истинное и благотворное для народа, для всего народа, как это внушают жрецы “нау-

---

* «Суеверие государства».

** «Царство божие внутри нас».

ки”, но есть такой же грубый и зловредный обман, как и обман церковного Закона Божия, имеющий ту же цель: с одной стороны — удовлетворить воображение ума и даже сентиментальности праздных людей, с другой стороны — оправдание существующего, ложного безнравственного устройства жизни»*.

И много, много таких семян, бесчисленное множество сеял Л. Н. Толстой. Они произрастали и давали свои плоды.

* * *

Как же встретило общество это нападение своего врага? Во всяком случае, не спокойно и безразлично. Хоть и мал был враг (количественно), но удал (качественно). И в борьбе с этим опасным врагом все средства были хороши и больше всего те, которые обезвреживали не столько, так сказать, физическую сторону Толстого, сколько его моральное влияние, духовный облик, и в то же время посеянные им семена.

Духовенство предавало его и его учение анафеме, отлучало от церкви всякого заподозренного в антихристовых толстовских вождениях, взывало к небесным и земным силам о ниспослании на головы еретиков-отщепенцев православной католической церкви божьих и человеческих кар.

Властины учреждали (*crescendo*) за Толстым свой жандармско-полицейский надзор и беспощадно, жестоко преследовали всех тех, кто своим действием или даже только мыслями выказывали себя солидарными с Толстым.

Ученые, писатели, художники и интеллигенция всеми силами старались подорвать в обществе и в особенности в среде молодого подрастающего поколения авторитет Толстого, возводя его, как художника, в звание «Великого писателя земли русской» и низводя его в то же время, как мыслителя, философа, до ничтожества, не заслуживающего никакого внимания. И в головах детей и юношей, еще задолго до знакомства с Толстым, уже прочно и глубоко сидело убеждение: как художник Толстой велик, как мыслитель-философ он слаб. И вполне понятно, что 99% рассуждавших о слабости религиозно-философской мысли Толстого не знали по первоисточникам ничего об этой стороне творчества Толстого. Рождались, жили они и умирали слепцами, не познавши света и красоты истины *великого* философа и публи-

---

* «О науке».

циста, борца за личность, Толстого... Их удел был уделом псов, лающих и выгоняющих «дикого зверя» на охотников и псарей.

Но «дикий зверь» спокойно, без всякой злобы, взирал на этот дикий лай псов и звероподобное улюкание псарей и спокойно и упорно продолжал раз начатое свое великое дело освобождение личности, и утомимо расчищая путь человеку к бесконечно прекрасному будущему его — к *богочеловеку*.

